

DOI: 10.31696/S086919080038519-7

КЛИМАТ ИЛИ НЕФТЬ: АРАБСКАЯ ДИЛЕММА

© 2026

С.А. РОГИНКО^а, Э.М. ФАЗЕЛЬЯНОВ^б^{а, б} – Институт Европы РАН, Москва, Россия^а – ORCID: 0000-0003-2094-9259; roginco@bk.ru^б – ORCID: 0000-0002-6139-8345; fenvarbik@gmail.com

Резюме: Предмет статьи – влияние климатической повестки на политику арабских нефтедобывающих стран. Авторы исследуют, как климатическая повестка трансформировалась в механизм, который используют для компенсации роста геополитического влияния арабских нефтедобывающих стран. В данный механизм входят, в том числе, формируемые глобальными климатическими соглашениями тренды на отказ от углеводородного топлива и дивестиции в нефтяной отрасли. Проанализированы новые типы рисков для нефтяной отрасли, которые появились в последние годы и завязаны на климатическую повестку, включая инициативу ЕС по введению углеродного налога на импортируемую карбоноёмкую продукцию (Carbon Border Adjustment Mechanism). Выявлены принципиально новые моменты в политике стран Залива в 2022 г., которые в сложившихся условиях стремятся продвигать свою собственную версию климатической повестки и концепции «нулевых выбросов». Исследуются особенности подхода к энергетическому переходу и «чистому нулю» глобальных выбросов парниковых газов, продвигаемые странами Залива, характеризуются столкновения интересов арабских стран и объединённого Запада, продемонстрированные на прошедшей в 2023 г. в Объединённых Арабских Эмиратах Конференции ООН по климату (КС-28, Дубай), включая реакцию ведущих западных политических деятелей и СМИ на формат т. н. параллельных бизнес-мероприятий, в т. ч. при участии компаний нефтяного сектора. Анализируется тактика арабских нефтедобывающих стран по защите от сторонников разрушения их экономики под климатическим предлогом на глобальных климатических переговорах в рамках ООН в части выдвигения Группой арабских стран во главе с Саудовской Аравией собственных инициатив, включая такое положение Парижского соглашения как статья о т. н. ответных мерах. Дается анализ изменений в подходе БРИКС по проблеме энергетического перехода после включения в БРИКС группы стран Залива. Оценивается перспектива изменения роли арабских стран в глобальной климатической повестке в свете кардинальных изменений миропорядка, проявившихся в 2022 г.

Ключевые слова: выбросы парниковых газов, климатическая политика, Парижское соглашение, Киотский протокол, Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК ООН), Римский клуб, ОПЕК, концепция «Чистый ноль», Международное энергетическое агентство (МЭА), Углеродный бюджет, Европейский Союз

Для цитирования: Рогинко С.А., Фазельянов Э.М. Климат или нефть: арабская дилемма. Восток (Oriens). 2026. № 3. С. 131–143. DOI: 10.31696/S086919080038519-7

CLIMATE OR OIL: THE ARAB DILEMMA

© 2026

Sergey A. ROGINKO^a, Envarbik M. FAZELIANOV^b^{a, b} – Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia^a – ORCID: 0000- 0003-2094-9259; roginko@bk.ru^b – ORCID: 0000-0002-6139-8345; fenvarbik@gmail.com

Abstract: *The article studies the influence of the climate agenda on the policy of Arab oil-producing countries. The authors investigate the transformation of the climate agenda into a mechanism used to compensate for the growing geopolitical influence of Arab oil-producing countries. This mechanism includes – but is not limited to – trends formed by global climate agreements to abandon hydrocarbon fuels and devaluation in the oil industry. The new types of risks for the oil industry that have emerged in recent years and are tied to the climate agenda are analyzed, including the EU initiative to introduce a carbon tax on imported carbon-intensive products (Carbon Border Adjustment Mechanism). Fundamentally new moments in the policy of the Persian Gulf countries in 2022 have been revealed: an attempt to promote their own version of the climate agenda and the concept of “zero emissions”. The conflicting interests of Arab countries and the united West are demonstrated at the UN Climate Change Conference (COP28, Dubai) held in 2023 in the United Arab Emirates, including the reaction of leading Western politicians and media to the format of the parallel business events, including those with the participation of oil sector companies. The article analyzes the tactics of Arab oil-producing countries at the global climate negotiations within the UN and new approaches of BRICS to energy transition. The prospect of transformation of the Arab countries’ role in the global climate agenda is assessed in the light of the fundamental changes in the world order that manifested themselves in 2022.*

Keywords: greenhouse gas emissions, climate policy, Paris Agreement, Kyoto Protocol, The UN Framework Convention on Climate Change (UNFCCC), Club of Rome, OPEC, “Net Zero” concept, International Energy Agency (IEA), Carbon Budget, European Union

For citation: Roginko S.A., Fazelianov E.M. Climate or Oil: The Arab Dilemma. *Vostok (Oriens)*. 2026. No. 3. Pp. 131–143. DOI: 10.31696/S086919080038519-7

Так сложилось в последние годы, что тема глобального климата стала ассоциироваться с арабскими странами; во многом это связано с местом проведения Конференций ООН по климату. Они проводились, соответственно, в 2022 г. в Египте (КС-27, Шарм-эль Шейх) [UNFCCC COP 27, 2022] и в 2023 г. – в Объединенных Арабских Эмиратах (КС-28, Дубай) [UNFCCC, 2024]. Проведение Конференции ООН по климату в ОАЭ изначально было предметом иронических комментариев западных СМИ и НПО, поскольку слишком очевиден был разброс между «зелёной повесткой» и экономическим профилем страны, обязанной своим благополучием прежде всего нефти и газу. Особый акцент в этих комментариях делался на личности Председателя Конференции, которым, в соответствии с процедурой, был назначен представитель ОАЭ – Министр промышленности ОАЭ Султан Ахмед Аль-Джабер, являвшийся по совместительству также главой Национальной нефтяной компании Абу Даби (ADNOC). Такое сочетание функций вызвало шквал протестов со стороны «зелёных» НПО, заранее увидевших в этом некий залог неудачи для Конференции.

Тем не менее с задачей проведения Конференции Эмираты справились, несмотря на небывалые масштабы и сложность: в ней приняли участие более 85000 аккредитованных участников, включая 150 глав государств и правительств [UNFCCC, 2024]. В итоге КС-28 на сегодняшний день стала крупнейшей в истории конференцией ООН по изменению климата.

Но гладко провести Конференцию стране-хозяйке не получилось: оставив иронию, западные СМИ обрушились на Эмираты с прямыми инвективами. Повод – участие в Конференции представителей нефтяных компаний, которые (как всегда бывает в подобных случаях) использовали свое присутствие для продвижения собственных интересов. Аналогичным образом вели себя и представители других отраслей, для чего в конференциях такого типа издавна сложился формат т. н. параллельных бизнес – мероприятий. Но возмущение вызвала именно активность нефтяного сектора, а также встречи прибывших на Конференцию официальных лиц, которые (как это обычно и делается) совмещали участие в Конференции с переговорами с руководством страны пребывания.

Ведущий орган либеральных СМИ Америки – газета New York Times – сообщила об этом в высокопарных формулировках: «Ожидается, что Объединенные Арабские Эмираты, которые станут организатором глобальных переговоров по климату сыграют центральную роль в выработке соглашения, направленного на более быстрый отказ мира от угля, нефти и газа. Но за кулисами Эмираты стремятся использовать свое положение принимающей стороны для достижения противоположной цели: лоббирования нефтяных и газовых сделок по всему миру» [Tabuchi, 2023].

ФУНКЦИОНАЛ ПОВЕСТКИ

Выступлениями в СМИ дело не ограничилось: в ход была пущена тяжелая артиллерия: Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш заявил на пресс-конференции 28 ноября 2023 г. по этому поводу: «Я не могу в это поверить». Еще резче отозвалась отставная чиновница системы ООН, Кристиана Фигерес, возглавлявшая в свое время Секретариат РКИК ООН: по ее словам, «ОАЭ были пойманы с поличным» [Tabuchi, 2023].

Что же заставило представителей глобального истеблишмента удивляться и возмущаться такому, в общем-то ординарному явлению как деловой компонент международных переговоров? Ведь не секрет, что такое же поведение западных руководителей никогда не вызывало у них никакой реакции. Никто в прессе этих стран не обличал, например, Тони Блэра, приехавшего в свое время на Глобальный саммит ООН по устойчивому развитию в Йоханнесбурге в компании с руководством одиозной корпорации Rio Tinto [Lean, 2002] (запятнавшей свою репутацию катастрофическим разрушением экосистем во многих регионах планеты).

Конечно, в поисках причин можно сослаться на склонность к двойным стандартам, ставшую неотъемлемой частью менталитета коллективного Запада и широко практикуемую в отношении Глобального Востока и Юга. Но сам калибр задействованных фигур и резкость тона заставляет предполагать иное, а именно: наличие стратегических интересов. Каких – это мы обсудим ниже.

Истоки проблемы прослеживаются со времен нефтяных кризисов 1970-х гг., итогом которых стало резкое повышение цен на нефть. В своем бестселлере «Всемирный вызов» один из властителей дум того времени Ж.-Ж. Серван-Шрейбер [Servan-Schreiber, 1980] обратил внимание на то, что рост цен на топливо дал нефтедобывающим странам колоссальные богатства, которые те могли бы использовать чтобы повысить свое политическое влияние. Огромные средства, которые аккумулировали арабские нефтедобывающие стра-

ны, теоретически означали для них шанс отказаться от навязываемой им роли «богатого политического карлика», расширив свою сферу влияния, прежде всего за счет Запада.

Для решения этой задачи использовались разные по эффективности инструменты: насаждение среди арабской элиты гротескных моделей сверхпотребления, поощрение инвестиций арабских стран в западную недвижимость и промышленность, привязка их финансовых активов к американским госбумагам и еврооблигациям. Однако нефтяные доходы продолжали поступать, и требовалось долгосрочное стратегическое решение.

Таким решением выступила климатическая повестка, вброс которой в мировое сообщество начался с доклада Римского клуба «Первая глобальная революция» (1990). Впервые в документе такого уровня климатическая проблема была выделена в отдельный раздел под названием «Глобальное потепление и энергетические аспекты», где предлагалось увязать борьбу с потеплением с сокращением нефтяного потребления и переходом на возобновляемые источники энергии. Авторы прямо призывали «уменьшить использование нефти как основного топлива... из-за парникового эффекта» [King, Schneider, 1990].

Необычайно быстро эта повестка получила одобрение ООН: уже в июне 1992 года в Рио-де-Жанейро была принята Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК ООН) [UN, 1992]. Арабские нефтедобывающие страны подписали её без серьёзных возражений, поскольку документ носил рамочный характер, не содержал конкретных обязательств и фиксировал лишь общие принципы.

Принятый позже – в 1997 г. Киотский протокол также был воспринят арабским миром спокойно. В Протоколе уже присутствовали количественные обязательства по сокращению парниковых выбросов, но они касались только развитых стран и государств с переходной экономикой. Для развивающихся стран такие обязательства не устанавливались – это обосновывалось принципом общей, но дифференцированной ответственности (CBDR-RC), заложенным ещё в РКИК ООН. Согласно этому принципу, разные уровни экономического развития означают разные возможности по борьбе с изменением климата, поэтому развивающиеся страны вправе не брать на себя количественных ограничений по выбросам.

Коренной перелом в восприятии повестки произошёл с принятием Парижского соглашения 2015 г. Помимо двух широко известных целей (ограничение роста температуры и адаптация к климатическим изменениям), Соглашение содержит третью, менее заметную цель: «Приведение финансовых потоков в соответствие с траекторией низкоуглеродного и климатически устойчивого развития» [The Paris Agreement, 2015].

Понять, что это означает для нефтедобывающих стран, несложно: объявляется перестройка глобального миропорядка под климатические приоритеты, а именно – свёртывание проектов в области ископаемого топлива. Ключевым инструментом перехода стали финансовые институты, которым предписывалось решительно перенаправить свои потоки с углеводородов на низкоуглеродные проекты. Некоторые финансовые структуры отреагировали незамедлительно: уже в 2016 г. о выходе из проектов на ископаемом топливе заявили пенсионные фонды Норвегии и Швеции, а также Фонд Рокфеллеров. Последний в 2022 г. отчитался о сокращении доли таких проектов в своём портфеле до 0,3%.

ДИВЕСТИЦИИ: УГРОЗЫ И ОТВЕТЫ

К этим финансовым институтам присоединились крупные европейские банки, прежде всего Европейский инвестиционный банк (ЕИБ), который в 2019 г. объявил о прекращении финансирования традиционных энергопроектов на нефти и газе [EIB, 2021]. Затем аналогичное решение принял Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) [Strohecker, 2021].

За прошедшие после Парижской конференции годы дивестиционный тренд в нефтяном секторе, подстёгнутый климатической повесткой, окреп, оброс новыми структурами, инициативами и пиар-кампаниями, став абсолютным глобальным мейнстримом. Цель Парижского соглашения по приведению финансовых потоков к низкоуглеродной траектории реализуется жёсткими методами – через травлю неугодных банков в духе современной «культуры отмены». В таких условиях в мировом банковском сообществе не нашлось желающих плыть против течения (по крайней мере, публично). Поэтому полный список банков, отказавшихся от финансирования нефтегазового сектора, вряд ли уместится в рамках данной статьи.

Арабские нефтедобывающие страны также понесли репутационные потери от климатической повестки: их начали постепенно вытеснять из статуса уважаемых членов мирового сообщества, обладающих ценными ресурсами, огромными деньгами и немалым политическим весом, в разряд маргиналов и изгоев, занимающихся сомнительным и опасным для планеты бизнесом без будущего. Арабские государства оказались не готовы смириться с ролью «козла отпущения», которому можно отказывать в финансировании, можно обвинять его в любом глобальном катаклизме и требовать возмещения убытков. Они быстро осознали, куда может привести заданный Парижским соглашением трек. И начали сопротивляться.

Первым объектом протеста стали попытки Евросоюза и некоторых других стран по ревизии температурной цели Соглашения: сразу же после его принятия на глобальных переговорах по климату началось давление в пользу фиксации целевого показателя в 1,5°C вместо зафиксированного в Соглашении «удержания прироста глобальной средней температуры намного ниже 2°C сверх доиндустриальных уровней и приложения усилий в целях ограничения роста температуры до 1,5°C» [The Paris Agreement, 2015].

Почему это было настолько важно для арабских экспортёров нефти и газа? Потому что на момент принятия Парижского соглашения повышение температуры уже составило 1,2°C относительно доиндустриального уровня и смена целевого порога с 2°C на 1,5°C ожидаемо означала переход на трек более резкого и масштабного сокращения мировых выбросов, чем предполагалось ранее. А это неизбежно должно было выразиться в более глубоком падении спроса на нефть.

ДОБРОВОЛЬНО-ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ РЕЖИМ

Конкретным инструментом давления на производителей ископаемого топлива стала т. н. концепция «углеродного бюджета», смысл которой – в том, что общий объем выбросов парниковых газов, разрешенных человечеству, – величина конечная. И количество лет, на протяжении которых человечество сможет продолжать использовать минеральное топливо, зависит от температурного лимита. Сторонники этой гипотезы, активно поддерживаемой ЕС и многими другими странами, настаивали, что при лимите в 1,5°C углеродный бюджет будет израсходован уже в 2028 г., после которого не предполагалось ни добычи, ни использования ископаемого топлива. При увеличении порога до 2°C углеродный бюджет исчерпывался примерно в 2045 г. [Mercator, 2022]. Т. е., если принять эти допущения, то можно сделать вывод о том, что температурный репер в 2°C градуса продлевает жизнь нефтяной отрасли на целых 17 лет.

Поэтому неудивительна та позиция, которую Саудовская Аравия заняла в отношении вопроса о новом репере в 1,5°C на Конференции ООН по климату в Катовице (КС-24, 2018 г.). В итоге вместо одобрения этой цели, позиция Саудовской Аравии, Кувейта и России позволила заблокировать формулировку «поддержки» (endorsed) в резолюции Конференции,

вместо которой была согласована ни к чему не обязывающая «принять к сведению» (noted).

Может возникнуть вопрос: а разве нет для развивающихся стран защиты от рисков в виде принципа общей, но дифференцированной ответственности (CBDR-RC), на основе которого обязательства по Парижскому соглашению (т. н. национально определяемые вклады – NDC) формируются самими странами «снизу вверх» на добровольной основе? Изначально так и предполагалось, но уже на стадии разработки Парижского соглашения европейскими странами и другими сторонниками превращения его в механизм жесткого принуждения в эту конструкцию были заложены и другие механизмы, по существу, противоречащие сути Соглашения как добровольной конструкции.

Один из механизмов подобной трансформации Парижского соглашения, вызывающий недовольство арабских стран, – это формирование национальных обязательств в рамках Соглашения на базе постоянного «повышения амбиций». Для этого предусмотрены пятилетние циклы разработки, представления и обновления определяемых на национальном уровне вкладов (NDC). Каждый новый такой «пятилетний план» должен быть амбициознее предыдущего по целям и мерам. Конкретным инструментом проверки амбициозности служит глобальная инвентаризация (global stocktake) предпринимаемых усилий – как на уровне отдельных стран, так и на глобальном уровне – для оценки соответствия этих мер температурной цели Соглашения.

По сути, речь идёт о подгонке национальных обязательств под целевые $1,5\text{--}2^\circ\text{C}$ с обязательной отчётностью и периодическим контролем. На климатических переговорах в Катовице арабские страны, объединившись в группу «стран общей позиции» (LMDC) при ведущей роли Саудовской Аравии, резко выступили против формирующейся системы над-национального контроля. При обсуждении global stocktake они активно возражали против любого «механизма соответствия», который бы оценивал, насколько глобальная траектория выбросов соответствует долгосрочным целям Соглашения, и давал странам рекомендации корректировать свои обязательства. Один из скрытых мотивов – нежелание LMDC, чтобы в ходе инвентаризации был сделан вывод о том, что главный рост выбросов приходится именно на страны этой группы.

Арабские нефтедобывающие государства не только противодействуют неадекватным, с их точки зрения, схемам ЕС и других сторонников разрушения их экономики под климатическим предлогом, но и выдвигают собственные инициативы. По настоянию Группы арабских стран во главе с Саудовской Аравией в Парижское соглашение была включена статья об «ответных мерах» (response measures – ст. 4.15) [The Paris Agreement, 2015]. Логика проста: если Парижское соглашение толкает мир к низкоуглеродному развитию, то этот сценарий может негативно сказаться на экономике стран, где нефтегазовый сектор играет системообразующую роль (наполнение бюджета, рабочие места, доля в ВВП). Хотя тема затрагивает и Россию, Канаду, Австралию, главным лоббистом «ответных мер» выступает Саудовская Аравия. Её предложения при выработке Соглашения встретили жёсткое сопротивление со стороны ЕС и зависимых от него стран. В ответ Саудовская Аравия и другие арабские государства указывали, что снижение спроса на нефть – очевидное последствие, которое никак нельзя назвать позитивным для их экономик. Продвигая эту тему, Саудовская Аравия делала акцент на влиянии мер на развивающиеся страны, заинтересованные в возможной помощи по линии «ответных мер», что теоретически могло укрепить её позиции как лидера развивающихся стран на климатических переговорах.

Евросоюз и его союзники были категорически против такого развития событий. В итоге в текст Соглашения были включены общие формулировки, адресованные развивающимся странам, но не ограниченные только влиянием на их экономики. Фактически

противникам удалось свести вопрос о «ответных мерах» к созданию дискуссионной площадки.

Впоследствии на Конференции ООН по климату в Катовице (КС-24) был создан Катовицкий комитет экспертов по «условиям, программе работы и функциям форума по воздействию осуществления ответных мер» [UNFCCC-2018]. Его задачи: помогать минимизировать негативные последствия и использовать позитивные, обмениваться информацией и лучшими практиками, готовить доклады. Однако никаких более конкретных полномочий комитету не дали.

В «Своде правил» Парижского соглашения, принятом на той же КС-24, «ответные меры» упоминаются довольно часто, но только в контексте национальной отчётности и прочей информации о климатических действиях. Практического влияния на поведение стран или компаний этот документ не оказывает [Understanding, 2019].

На КС-25 (Мадрид, 2019 г.) по «ответным мерам» был утверждён шестилетний план работы, однако его содержание не позволяет считать эту тему полноценным механизмом страхования рисков для арабских нефтедобывающих стран. Тем не менее нельзя исключать, что в будущем усилия арабских государств и их союзников смогут перевести обсуждение из плоскости обмена мнениями и примерами сотрудничества в плоскость реального инструмента защиты их интересов.

ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ УГЛЕРОДНЫЕ РИСКИ

Арабское противодействие деструктивным трендам климатической повестки не ограничивается площадкой глобальных климатических переговоров в рамках ООН. В последние годы они обратили внимание на экстерриториальный риск, созданный объявленным в декабре 2019 г. Евросоюзом трансграничным углеродным налогом ЕС. Презентованный под обманчивым названием «пограничный корректирующий углеродный механизм» (*Carbon Border Adjustment Mechanism, CBAM*), этот налог предлагается взимать с импортируемых в ЕС товаров; при этом облагаемой базой считается «углеродный след» такой продукции.

С 1 января 2026 г. импортёры будут обязаны покупать сертификаты, цена которых определяется на основе еженедельной средней аукционной стоимости тонны CO_2 -эквивалента в Европейской системе торговли выбросами (EU ETS).

Евросоюз долго не мог утвердить перечень товаров, подпадающих под новый налог. Ведущие консалтинговые компании (KPMG, Boston Consulting Group) прогнозировали, что нефть может быть включена в этот список [How an EU Carbon Border Tax, 2020], что сулило арабским экспортёрам колоссальные потери. Однако представленный 14 июля 2021 г. проект Европейской комиссии по CBAM не включил нефть и СПГ. Арабские поставщики энергоносителей получили краткую передышку, но уже 22 июня 2022 г. Европарламент проголосовал за расширение перечня облагаемых товаров за счёт нефтехимической продукции.

Это делает риски, связанные с CBAM, вновь актуальными для арабских стран, которые экспортируют продукцию нефтехимических предприятий. Сам факт расширения перечня вызывает опасения: следующим шагом могут стать нефтепродукты и сырая нефть. Данную тенденцию подтверждает и недавнее стремление ЕС и США заставить нефтедобывающие страны снизить цены на нефть. Не исключено, что, не добившись своего, Евросоюз может применить CBAM к нефти и СПГ с целью изъятия части доходов стран-экспортёров. По оценкам консалтинговой компании Wood Mackenzie, добыча и переработка нефти будут включены в CBAM уже в 2028 г. и полностью охвачены к 2036 г. Компания заявила, что

СВАМ увеличит стоимость ведения бизнеса в ЕС за счет увеличения платы за выбросы углекислого газа по всей цепочке создания стоимости нефти [Benny, 2024].

Особенно чувствительна подобная инициатива для Саудовской Аравии, которая является крупнейшим торговым партнером ЕС среди стран Залива, с оборотом, достигающим 81,5 млрд долл., и одним из важнейших адресатов инвестиций для государств-членов ЕС. При этом из-за санкций, введенных Евросоюзом в отношении российской нефти, Саудовская Аравия смогла увеличить свою долю в европейском нефтяном импорте на 2,3 процентных пункта – до 9% объема процентов, (аналогичный рост продемонстрировала Ливия, на долю которой приходится 8,1% импорта нефтепродуктов в ЕС) [Benny, 2024].

Поэтому неудивительно, что именно Саудовская Аравия стала среди арабских стран самым активным противником углеродного налога на экспорт в виде СВАМ. Правовой нигилизм, проявленный Евросоюзом при одностороннем введении этой экстерриториальной меры, был очевиден: налицо было явное нарушение правил ВТО. Поэтому площадкой противодействия была выбрана именно ВТО: Саудовская Аравия стала одним из инициаторов разбирательства по этому вопросу в Комитете ВТО по доступу к рынкам (*Committee on Market Access*). Первое разбирательство прошло в октябре 2021 г.; на нем представитель Саудовской Аравии поставил под сомнение заверения ЕС о том, что СВАМ будет соответствовать правилам ВТО и другим его международным обязательствам. Он отметил, что, с точки зрения Саудовской Аравии, ЕС еще предстоит предоставить какие-либо объяснения того, как он будет это делать. Было отмечено, что главной целью СВАМ является поддержание конкурентоспособности отраслей промышленности ЕС. Приводились данные предварительного обзора Саудовской Аравии, который показывает, что предлагаемый механизм вызывает очень серьезную обеспокоенность из-за его потенциальных долгосрочных негативных последствий для мировой торговли и что он приведет к искажению всей цепочки создания стоимости в торговле, включая товары, услуги и рабочие места [WTO Committee on Market Access, 2021].

Однако, содержательного ответа на свои запросы по линии ВТО от Евросоюза Саудовская Аравия не дождалась, и на следующих слушаниях в Комитете ВТО по доступу к рынкам, прошедших в марте 2022 г., представитель Королевства был вынужден повторить дословно ряд уже озвученных оценок инициативы СВАМ и призывов к ЕС занять ответственную позицию по вопросу согласования деталей СВАМ. Добавив, что Саудовская Аравия настоятельно призывает Европейский союз продолжить консультации со странами-членами с целью обеспечения полного соответствия его СВАМ правилам и соглашениям ВТО и обеспечения того, чтобы предлагаемый механизм не создавал ненужных барьеров в торговле и не использовался в качестве средства протекционизма или неоправданной дискриминации, или замаскированные ограничения на международную торговлю, или должны применяться таким образом, чтобы обеспечить защиту национальной промышленности ЕС [WTO Committee on Market Access, 2022].

Тем не менее надежды на конструктивное взаимодействие с ЕС по теме СВАМ для Саудовской Аравии не оправдались и в этот раз. И вопрос был в очередной раз вынесен на Комитет ВТО по доступу к рынкам в апреле 2023 г., на этих слушаниях Саудовская Аравия изменила тональность своего выступления: от пожеланий в адрес Евросоюза прозвучали недвусмысленные обвинения в безответственности и некомпетентности. Отмечалось, что ЕС еще предстоит объяснить, как СВАМ будет соответствовать правилам ВТО и другим международным обязательствам ЕС (хотя с момента первого слушания в ВТО ничего не мешало Евросоюзу сделать это). Соответствие СВАМ основополагающим правилам ВТО вызывает у Саудовской Аравии сомнения; по её мнению, бремя доказывания ложится на ЕС, как и ответственность за это. В этой связи Саудовская Аравия обратилась к Европейскому

Союзу с просьбой уточнить статьи соглашений ВТО, которые позволяют ему применять этот неоправданно сложный механизм.

Сам же механизм *СВАМ* в очередной раз был охарактеризован как носящий односторонний и протекционистский характер и обеспечивающий особую защиту отечественной промышленности ЕС.

В заключение было отмечено, что Саудовская Аравия с нетерпением ожидает дальнейших подробностей и размышлений от Евросоюза по поводу этого механизма, и Королевство готово взаимодействовать с ЕС и заинтересованными членами.

НОВАЯ ГЕОГРАФИЯ ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Стоит ли добавлять, что и на сей раз ожидания саудовцев не оправдались, и вряд ли могли: Евросоюз, вошедший в самозванную роль «климатического лидера» планеты, на этом зыбком основании полагает себя вправе диктовать всему миру свои правила, невзирая на любые нормы международного права.

Поэтому в защите своих интересов в данном вопросе арабские страны начали использовать другие каналы, важнейшим из которых стало их участие в объединении БРИКС. Который с 2024 г. пополнился большой группой стран Ближнего Востока и Северной Африки: туда вошли Иран, Объединенные Арабские Эмираты и Египет; Саудовская Аравия участвует в БРИКС в статусе наблюдателя.

Изменения в составе сразу отразились на формулировках официальных заявлений БРИКС, в котором вопросы *СВАМ* за всю историю объединения поднимался только один раз: на онлайн-встрече министров экологии стран БРИКС в августе 2021 г. [BASIC, 2021] На ней *СВАМ* был признан дискриминационной мерой; была продемонстрирована готовность к сотрудничеству в данном вопросе, но в дальнейшем никаких серьезных шагов в рамках БРИКС предпринято не было.

В 2024 г. при арабском участии тема *СВАМ* вернулась в повестку БРИКС, причем сразу на более высоком уровне: уровне министров иностранных дел. В Совместном заявлении по итогам их встречи в Нижнем Новгороде в июне 2024 г. отмечалось: «Министры выступили против принятия любых ограничительных мер в глобальной торговле под предлогом борьбы с изменением климата. Они осудили односторонние, запретительные, дискриминационные, протекционистские меры, не соответствующие международному праву, принимаемые под предлогом озабоченностей в сфере окружающей среды, такие как односторонние и дискриминационные механизмы пограничного корректирующего углеродного регулирования, бюрократические требования, налоги и другие меры» [БРИКС-24(1)].

Поддержку в Совместном заявлении получил и другой приоритет арабских стран – ископаемое топливо, которому в западной версии энергетического перехода места не находится. В Заявлении «министры выразили поддержку продвижению справедливого, сбалансированного и соразмерного соответствующим национальным приоритетам и условиям энергоперехода с задействованием всех источников энергии, а именно возобновляемой энергии, включая биотопливо и гидроэнергетику, ископаемого топлива, ядерной энергии и водородного топлива, которые имеют решающее значение в контексте осуществления справедливого перехода к более гибким, устойчивым и стабильным энергетическим системам» [БРИКС-24(1)].

Как нетрудно заметить, при внешнем сходстве с формулировками глобальных форумов по климату, есть серьезное различие в акцентах: они поставлены прежде всего на энергетической безопасности. И задачи энергоперехода, возводимые на некоторых других

площадках в абсолют, формулируются в Заявлении прежде всего как задачи обеспечения устойчивого и стабильного энергоснабжения.

Эта позиция была закреплена и на парламентском уровне стран БРИКС в Совместной декларации 10-го Парламентского форума БРИКС, прошедшего в июле 2024 г. в Санкт-Петербурге. В Декларации тема использования всех источников энергии формулируется с акцентом на энергетическую безопасность: «Мы подчеркиваем важность энергетической безопасности стран БРИКС, осуществления сбалансированного энергетического перехода на основе эффективного использования всех источников энергии и технологий в соответствии с национальными условиями каждой страны» [БРИКС-24(2)].

Такой подход, не выделяющий ни один источник энергии, резко контрастирует, в частности, с подходом ЕС, сделавшего ставку на гипертрофированное развитие возобновляемых источников энергии (ВИЭ). И изо всех сил навязывающего этот подход всему миру.

К чему привела европейские страны эта ставка, стало ясно уже в 2021–2022 гг., когда в европейских странах началась череда блэкаутов из-за неустойчивого энергоснабжения – имманентного последствия чрезмерной опоры генерации на зависимые от погоды ВИЭ.

ВЫЗОВЫ И ОТВЕТЫ

Европа оказалась на грани энергетического коллапса, который усугубил политически ущербный отказ от импорта российских энергоносителей. Брешь в энергобалансе потребовалось срочно заполнить, и Европа начала настоящую охоту на дотоле осуждаемую нефть. И оказалась в зависимости от арабских стран – тех самых, интересы которых они годами игнорировали, а бизнес которых приговаривали к уничтожению.

В сложившейся ситуации Арабский Восток заговорил по-другому, перестав умалчивать о провалах Запада в энергетической политике. В мае 2022 г. на Международной конференции по нефтяным технологиям в Эр-Рияде министр энергетики Саудовской Аравии принц А. ибн Салман пренебрежительно назвал сценарий нулевых выбросов «Ла-ла-Лендом», поскольку его подрывает тот факт, что глобальный спрос на нефть и газ продолжает расти. При обсуждении целей устойчивого развития министр вместо термина «нулевой уровень выбросов углерода» использовал термин «низкий уровень выбросов углерода», заявив, что это и есть «разница между Ла-ла-Лендом и реальностью» [Saudi Energy Minister, 2022].

Развивая эту мысль, А. ибн Салман добавил: «Чистый ноль не означает вытаскивание вишен из пирога¹, чистый ноль не означает ноль нефти». В качестве реальной проблемы он обозначил резкое сокращение инвестиций в нефтегазовую отрасль, которое создало опасность того, «что мир не сможет производить всю энергию, необходимую для содействия восстановлению». Что же касается возобновляемых источников энергии, то, по мнению министра, сосредоточение исключительно на них было ошибкой [Paraskova, 2022].

Саудовского нефтяного фронтмена поддержал коллега из Объединенных Арабских Эмиратов. министр промышленности ОАЭ Султан Ахмед Аль-Джабер, который объяснил, что текущая волатильность на энергетических рынках стала результатом геополитической напряженности, нереалистичного подхода к энергетическому переходу и недостаточных долгосрочных инвестиций в нефть и газ. По мнению министра ОАЭ, политики по всему миру, «включая многих в Европе», сейчас начинают примиряться с этими реалиями [UAE Calls for Positive, 2022].

Такие слова, невозможные дотоле, означали одно: климатической повестке Запада бросили открытый вызов. И этот вызов без ответа не остался: климатический истеблишмент на

¹ Вольный перевод английского термина «cherry picking», обозначающего выборочное представление фактов, подтверждающее определенное положение, при одновременном игнорировании данных, ему противоречащих.

Конференции ООН по климату в Дубае (2023) постарался отквитаться за недавние унижения, обрушив на Султана Ахмед Аль-Джабера поток громогласных инвектив, обвиняя его в том, что для политиков Запада грехом не считается. Именно в твердой позиции министра ОАЭ нужно искать причину неадекватно агрессивной медиа-атаки с участием глобальных фигур на него, о которой упоминалось в начале нашей статьи.

Но атаки СМИ, если и возымеют результат, то частичный и временный, поскольку ситуация, по всей видимости, прошла точку невозврата. От робких попыток защиты своих интересов Арабский Восток перешел к продвижению своего понимания этой повестки и её связи с энергетической безопасностью. Однако продвижением своей точки зрения арабские страны не ограничились: оно сопровождалось демаршем по отношению к западной экспертизе. 31 марта 2022 г. ОПЕК заявила, что больше не будет использовать Международное энергетическое агентство (МЭА) в качестве источника данных о добыче нефти своих членов, поскольку отношения между двумя организациями быстро ухудшились из-за политики в области климата и поставок энергоносителей [El Dahan, Ghaddar, Lawler, 2022].

По мнению ОПЕК, данные МЭА были искажены предвзятостью в отношении ископаемого топлива, особенно в связи с дорожной картой агентства «Чистый ноль», в которой говорится, что все новые инвестиции в добычу должны прекратиться, если планируется сдержать изменение климата.

В сентябре 2023 г. ОПЕК вновь раскритиковала экспертизу МЭА – на сей раз за выпущенную МЭА оценку спроса на ископаемое топливо, который, по мнению Агентства, должен достичь пика к 2030 г. ОПЕК в своем ответе заявила, что оценка МЭА «не основана на фактах», и что такие прогнозы «столь опасны» потому, что они часто сопровождаются призывами прекратить новые инвестиции в нефтегазовый сектор. По словам генерального секретаря ОПЕК Хайтама Аль Гейса, «подобные рассуждения лишь подводят мировую энергетическую систему к полному краху, ... это приведет к энергетическому хаосу потенциально беспрецедентных масштабов с ужасающими последствиями для экономики и миллиардов людей по всему миру» [ОРЕС, 2023].

С тех пор МЭА стало для ОПЕК постоянным субъектом для битвы: в октябре 2024 г. ОПЕК раскритиковал главный аналитический продукт МЭА [IEA, 2024]. Опровергая мнение МЭА о том, что «век угля» закончился, ОПЕК отмечает, что спрос на уголь достиг исторического максимума в 2023 г. Аналогичным образом, спрос на нефть в 2023 г. превзошел уровень до пандемии, что свидетельствует о сохраняющейся актуальности ископаемого топлива [ОРЕС, 2024].

Последний удар ОПЕК по МЭА пришелся на март 2025 г. – на сей раз за непоследовательность в позиции. Поводом стал призыв МЭА к продолжению инвестиций в существующие месторождения нефти и газа – весьма неожиданный для этой организации, в последние годы призывавшей к противоположному. В ответ ОПЕК опубликовал подборку данных о неоднократной смене позиций МЭА по этим вопросам и упрекнул Агентство в безответственности. По мнению ОПЕК, «агентства, которые осознают ответственность, возникающую при предоставлении анализа долгосрочных перспектив отрасли, не должны менять позиции или смешивать сообщения и нарративы каждые несколько лет по этому вопросу, особенно те, которые были созданы для обеспечения безопасности поставок нефти». ОПЕК отмечает, что эти метания МЭА создают неопределенность и угрожают стабильности энергетического рынка [Paraskova, 2025].

Такой событийный ряд самой логикой подталкивает членов ОПЕК в целом и Арабский Восток в частности к наращиванию в ближайшие годы собственной компетенции в области климатической повестки, чтобы окончательно выйти из-под идеологической и аналитической зависимости от Запада в этой чувствительной сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Совместная декларация 10-го Парламентского форума БРИКС Санкт-Петербург, Российская Федерация, 11–12 июля 2024 г. [Joint Declaration of the 10th BRICS Parliamentary Forum St. Petersburg, Russian Federation, 11–12 July 2024 (in Russian)] <https://clck.ru/3ToNgq> (accessed: 11.06.2025).

Совместное заявление Министров иностранных дел/международных отношений стран БРИКС. Нижний Новгород, Российская Федерация, 10 июня 2024 г. [Joint Statement by the BRICS Foreign Ministers. Nizhny Novgorod, Russian Federation, June 10, 2024 (in Russian)] <https://clck.ru/3ToNgP> (accessed: 10.06.2025).

Benny J. How the EU's new carbon scheme could sync with Middle East clean energy push. *The National*. 22.06.2024. <https://www.thenationalnews.com/business/energy/2024/06/22/how-the-eus-new-carbon-scheme-could-sync-with-middle-east-clean-energy-push/> (accessed: 09.06.2025).

El Dahan M., Ghaddar A., Lawler A. OPEC+ sticks to modest oil output rises, ditches IEA data. *Reuters*. 31.03.2022. <https://www.reuters.com/business/energy/opec-technical-committee-replaces-iea-with-wood-mackenzie-rystad-secondary-2022-03-30/> (accessed: 11.06.2025).

Formal meeting of 11 October 2021. European Union – Carbon border adjustment mechanism (ID 69). *WTO Committee on Market Access*. <https://tradeconcerns.wto.org/en/stcs/details?imsId=69&domainId=C-MA> (accessed: 11.06.2025).

Formal Meeting of 30-31 March 2022. European Union – Carbon border adjustment mechanism (ID 69). *WTO Committee on Market Access*. <https://tradeconcerns.wto.org/en/stcs/details?imsId=69&domainId=CMA> (accessed: 10.06.2025).

How an EU Carbon Border Tax Could Jolt World Trade. *Boston Consulting Group*. 30.06.2020. <https://www.bcg.com/ru-ru/publications/2020/how-an-eu-carbon-border-taxcould-jolt-world-trade> (Accessed: 03.06.2025).

IEA's World Energy Outlook 2024. <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2024> (accessed: 06.06.2025).

Joint Statement issued at the conclusion of the 30th BASIC Ministerial Meeting on Climate Change hosted by India on 8th April 2021. <https://www.gov.za/nr/news/media-statements/joint-statement-issued-conclusion-30th-basic-ministerial-meeting-climate> (accessed: 10.06.2025).

Katowice Committee of Experts on the Impacts of the Implementation of Response Measures (KCI). *UNFCCC-2018*. <https://unfccc.int/constituted-bodies/KCI> (accessed: 09.06.2025).

King A., Schneider B. *The First Global Revolution. Report of the Club of Rome*. 1990. <https://www.clubofrome.org/publication/the-first-global-revolution-1991/> (accessed: 06.06.2025).

Lean G. Blair anti-corruption plan weakened by British firms. *The Independent*. 02.09.2002. <https://www.independent.co.uk/news/uk/crime/blair-anticorruption-plan-weakened-by-british-firms-175553.html> (accessed: 06.06.2025).

Mercator Research Institute of Global Commons and Climate Change. 2022. <https://www.mcc-berlin.net/en/research/co2-budget.html> (accessed: 09.06.2025).

OPEC questions the estimates of IEA's Outlook. *Safety4sea*. 22.10.2024. <https://safety4sea.com/opec-questions-the-estimates-of-ieas-outlook/> (accessed: 12.06.2025).

OPEC says IEA estimate of peak fossil fuel demand by 2030 not 'fact-based'. *Reuters*. 14.09.2023. <https://www.reuters.com/business/energy/opec-says-iea-estimate-peak-fossil-fuel-demand-by-2030-not-fact-based-2023-09-14/> (accessed: 12.06.2025).

Paraskova T. Saudi Energy Minister: Insufficient Investment To Blame For High Fuel Prices. *Oilprice*. 09.05.2022. <https://oilprice.com/Energy/Energy-General/Saudi-Energy-Minister-Insufficient-Investment-To-Blame-For-High-Fuel-Prices.html> (accessed: 11.06.2025).

The Paris Agreement. United Nations Framework Convention on Climate Change (UNFCCC). 2016. https://unfccc.int/sites/default/files/resource/parisagreement_publication.pdf (accessed: 08.06.2025).

Saudi energy minister blames lack of investment for surge in fuel prices. *Reuters*. 09.05.2022. <https://www.reuters.com/world/middle-east/saudi-energy-minister-says-gap-between-crude-prices-fuel-mobility-prices-around-2022-05-09/> (accessed: 11.06.2025).

Servan-Schreiber J.J. *Le Défi mondial*. Paris: Fayard, 1980. https://www.persee.fr/doc/tiers_0040-7356_1981_num_22_85_4018_t1_0221_0000_1 (accessed: 03.06.2025).

Sharm el-Sheikh Climate Change Conference – November 2022. 6 Nov – 20 Nov 2022. <https://unfccc.int/cop27> (accessed: 06.09.2025).

Strohecker K. EBRD stops investing in upstream oil and gas to align with Paris goals. *Reuters*. 01.07.2021. <https://www.reuters.com/business/energy/ebrd-stops-upstream-oil-gas-investments-aligns-with-paris-agreement-2021-07-01/> (accessed: 08.06.2025).

Tabuchi H. Files Suggest Climate Summit's Leader Is Using Event to Promote Fossil Fuels. *The New York Times*. 28.11.2023. <https://www.nytimes.com/2023/11/28/climate/uae-cop28-documents-al-jaber.html> (accessed: 06.06.2025).

UAE Calls for Positive, Pragmatic Approach to the Energy Transition and Practical Climate Action to Ensure Energy Security and Economic Progress. *ADNOC*. 24.05.2022. <https://adnoc.ae/en/news-and-media/press-releases/2022/uae-calls-for-positive-pragmatic-approach-to-the-energy-transition-and-practical-climate-action> (accessed: 11.06.2025).

Understanding the Rulebook of the Paris Agreement. *Ministère de la Transition écologique et solidaire*. 2019. https://www.ecologie.gouv.fr/sites/default/files/documents/19041_RULE%20BOOK_Accord%20de%20Paris_GB_def_print.pdf (accessed: 09.06.2025).

UN Climate Change Conference – United Arab Emirates. 30 Nov – 12 Dec 2023. <https://unfccc.int/cop28> (accessed: 06.09.2025).

UN Framework Convention on Climate Change. United Nations, 1992. <https://unfccc.int/resource/docs/convkp/conveng.pdf> (accessed: 08.06.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

РОГИНКО Сергей Анатольевич – кандидат экономических наук, руководитель Центра экологии и развития Института Европы РАН, Москва, Россия.

Sergey A. ROGINKO, PhD (Economics), Head of the Environment & Development Center, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ФАЗЕЛЬЯНОВ Энварбик Михайлович – кандидат экономических наук, Чрезвычайный и Полномочный посол РФ, ведущий научный сотрудник Института Европы РАН, Москва, Россия.

Envarbik M. FAZELIANOV, PhD (Economics), Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Leading Research Fellow, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.